

Т. Н. Усольцева

ОСОБЕННОСТИ МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Для России начала XIX столетия характерен традиционный тип брачности, обусловленный рядом объективных причин, среди которых выделяют *экономические* (необходимо иметь большую семью, чтобы прокормиться) и *социо-культурные* (небольшая продолжительность жизни, традиционно ранние браки, высокий уровень брачности, высокая детская смертность, выбор жениха и невесты был определен родителями, практически отсутствие возможности развода). Однако при всей общности картины в разных социальных средах имелись отличия, обусловленные во многом, с одной стороны, степенью просвещенности той или иной прослойки населения, а с другой – степенью свободы, которой обладал представитель определенного круга.

Несомненно, самыми зависимыми людьми в этот период являются крепостные крестьяне, и для данной социальной среды весь комплекс причин, определяющих традиционный тип брачности, представляется наиболее значимым. Зачастую браки были ранними, что обуславливалось, в первую очередь, желанием родителей девочки избавиться от лишнего рта, а родственников мальчика – стремлением приобрести как можно быстрее новых работников в лице будущих внуков. С.В. Друковцев писал в «Экономическом календаре» (1870): «Законное положение для крестьян весьма порядочно сделано – женщине тринадцать лет, а мужчине пятнадцать к бракосочетанию положено, через что они по молодым своим летам, ввыкнув, во-первых, друг ко другу, а во-вторых, к своим родителям, будут иметь прямую любовь со страхом и послушанием» [1, с. 618]. Однако закон в отношении возраста новобрачных соблюдался далеко не всегда. Няня Татьяны Лариной в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» так рассказывает о своей свадьбе:

Мой Ваня

Моложе был меня, мой свет,

А было мне тринадцать лет.

Недели две ходила сваха

К моей родне, и наконец

Благословил меня отец.

Я горько плакала со страха,

Мне с плачем косу расплели,

Да с пеньем в церковь повели [2, т.4, с. 53].

А.С. Пушкин в «Истории села Горюхина» с иронией писал: «Мужчины женивались обыкновенно на 13 году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течение четырех или пяти лет. После чего уже мужья начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено» [2, т.5, с. 121].

Выбор жениха или невесты совершали родители, его должен был одобрить помещик или, в его отсутствии в поместье, староста. В. А. Соллогуб в пьесе «Сотрудники, или чужим добром не наживешься» описывает эпизод, когда староста предлагает помещице выдать замуж крепостную, засидевшуюся в девках: «Известное дело, пострадать надо маленько. А то... что девку-то баловать. Да вы, сударыня, сумлеваться не извольте. Вот хоша моя хозяйка, - тоже шла за меня по страсти. Отец приневолил, высечь хотел, - а вот-с, слава богу, живем, как лучше не требуется» [3]. В народной среде «выйти замуж по страсти» означало выйти замуж против своей воли. Подобный пример встречается не только у Соллогуба, но и у Пушкина в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж. «По страсти, - отвечала старуха, - я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». – Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло» [2, т. 6, с. 193]. Иногда помещики по собственной инициативе женили своих крепостных. Бывали случаи, когда совсем юных мальчиков венчали со старухами, если за ними некому было ухаживать, девочек выдавали замуж за пожилых вдовцов, так как им

нужны были помощники для воспитания детей. Нередко возникали ситуации, когда дети мужа, так остро нуждающиеся в поддержке, оказывались много старше своей мачехи.

Л.Н. Толстой в незаконченном произведении о крестьянском быте «Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того», размышляя о несчастливых браках, одной из причин также называет раннее замужество девушек против их воли: «По старинному порядку, выдали ее замуж 15 лет. Она была девочка. В первое время, когда она, бывало, несет с солдаткой ушат воды, то как лозинка качается. И мужа своего совсем не любила, только боялась. Когда он подходил к ней, она начинала плакать, щипать и даже кусать его. Так что первое время все плечи, все руки у него в синяках были. Так она не любила его два года. Но так как баба она была красивая и смиренная и из долгу хорошего, то ее не принуждали к тяжелой работе, и она понемножку, года через три или четыре, стала выравниваться, повзросла; раздобрела, раздумянулась, перестала бояться — стала привыкать, привыкать, и так наконец привыкла к мужу, что плакала, когда отец его в город усылал» [4, т.3,с.406].

Другую причину, не способствующую обретения счастья в семье, Толстой видит в так называемом «отходничестве», когда муж отправляется на длительное время на заработки, оставляя жену со своими родителями. Как правило, это была экономическая необходимость, зачастую семьи выживали, а иногда даже становились состоятельными благодаря тому, что мужчины уходили из родных деревень зарабатывать деньги в город. Длительное отсутствие мужа, которое исчислялось иногда месяцами, иногда годами, зачастую приводило не только к изменам, но и к появлению незаконнорожденных детей. При этом у окружающих людей никогда не вызывало удивления, если солдатка или жена ушедшего на заработки мужа заводила любовника. Это была скорее норма, нежели исключение. В повести «Житие одной бабы» Н.С. Лескова Насте, главной героине, все советуют изменять нелюбимому мужу, который «отпросился на оброк»: «Люди от каких мужьев, да и то гуляют; а от твоего-то и бог простит другую любовь принять» [5, т.1,с. 332], «И-и! да гуляй, Настя. Ведь другие ж гуляют. Чего тебе-то порожем ходить? Неш ты хуже других; аль тебе молодость не надо будет вспомнать?» [5, т.1,с. 333].

Парадоксально, но семейная жизнь в крестьянской среде никогда не ассоциировалась с любовью. Под любовью понималась измена мужу, что всегда жестоко наказывалось. Именно поэтому няня Татьяны Лариной говорит ей: «И полно, Таня! В эти лета / *Мы не слыхали про любовь; / А то бы согнала со света / Меня покойница свекровь*» [2, т.4,с. 53]. Невеста после свадьбы переходила жить в семью мужа, что автоматически обозначало непосильный труд, унижения и зачастую жестокое обращение. Да и условий для хотя бы относительно нормального существования молодой семьи не было: «Чуланчики такие, вроде деревенских часовен, погородят из хворостового плетня, либо просто на дворе, либо под сараем, и это называют «пуньками». Как женится кто в семье, сейчас и заводится такой пунькой - для молодой жены. «Вот, мол, тебе, касатка, удобьце! живи, радуйся, назад не оглядывайся!» И живут в этих апартаментах, пока детвора пойдет. А тогда уж с ребятками на зиму мать переходит в избу. Тут и старики, тут и муж с женой, тут и девушки взрослые, все это и на виду и на слуху, - такое безобразие. А куда денешься-то? Тут оно и «снохачество» это у нас заводится, тут и дети невесть чему до поры до времени поизучиваются, а опять-таки подеться некуда! Теснится народушко на просторной Руси, и трудно ему рассмотреть в волоковое окно свои нечисти» [5, т.1,с. 265-266]. Даже появление на свет детей в крестьянской семье воспринималось не как результат любви, а как свидетельство тесноты. В рапсодии «Юдоль» беременная крестьянка, имеющая троих маленьких детей, объясняла причины их появления на свет бездетной дворянке: «...Вы живете в таких-то широких хоромах... Накось какое место... занимаете... простор вам... разойдется и не сустретится; а у нас избы тесные, всё мы вместях да вместях...

— Ну и не надо!

— Да и не надо, а приключается» [5, т.9,с. 309].

Побой жены мужем воспринимались как норма, и никто не мог вмешиваться в подобных ситуациях, даже близкие родственники. Л.Н. Толстой описал такую сцену: «Зазвал бабу в чулан, ну жучить; что больше бьет, то больше сердце расходится. «Не гуляй, не

гуляй!» - за волоса да обзёмь, глаз подбил. А она думает: «В брюхе-то что сидит, не выбьешь». Мать стала просить. Как крикнет: «Кто меня учить с женой будет!» - что мать застыдилась, прощенья просить стала» [4, т.3. с. 423].

Нередко в крестьянских семьях встречалось и «снохачество», когда отец мужа вступал в сексуальные отношения со своей невесткой. Лесков приводит в пример легенду, свидетельствующую о распространенности подобного явления. Однажды в Гостомле поднимали колокол на колокольню, он дошел до половины и дальше двигался тяжело:

« - Верно снохач какой-нибудь есть промеж нас, - крикнул дьячок.

- Снохачи, долой! – гаркнули молодые ребята и бабы.

Все мужики, этак лет за сорок, так сразу и отскочили, а остальные не удержали колокола, и он загудел опять книзу» [5, т.1,с. 288].

Плотские отношения крестьянками, как правило, воспринимались только на уровне тела, поэтому измены, торговля собой в годный год не казались страшным грехом. В рапсодии Лескова «Юдоль» пожилая крестьянка объясняет подобную ситуацию следующим образом: «Ведь голодная смерть страшнее сраму... Все же лучше было шкуру свою продать, чем душу» [5, т.9,с. 269].

Бывали случаи, когда свободная девушка выходила замуж за крепостного. Лесков в своих произведениях неоднократно указывал на подобные факты («Житие одной бабы», «Юдоль»): «Она была взята из одноворок и пошла в крепость с нужды горькой, потому что у нас в округе иные вольные в ту пору еще хуже крепостных живали» [5, т.1,с. 264]. Женщина после замужества оставалась свободной, а рожденные ею дети становились крепостными, поэтому мать в самых сложных ситуациях всегда стремилась остаться с ними.

Замужество среди молодых крестьянок воспринималось как трагедия, существование в чужой семье ассоциировалось с неволей, а жизнь в родительском доме, какой бы тяжелой она ни была, всегда представлялась светлой и радостной. И в фольклоре, и в классической русской литературе подобная ситуация представлена достаточно широко. Одним из ярких примеров является повествование о своей семейной жизни Матрены Тимофеевны в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Что год, то дети: некогда

Ни думать, ни печалиться,

Дай бог с работой справиться

Да лоб перекрестить.

Поешь – когда останется

От старших да от деточек,

Уснешь – когда больна... [6, с. 458].

Крестьянская семья практически никогда не описывается в художественных произведениях как благо, она всегда воспринималась как необходимость. В очерке «Хорь и Калиныч» И.С. Тургенев воссоздает образ обеспеченного крестьянского дома, который может представляться идеальным: чистота, простая сытная еда в достатке, разнообразная живность в большом количестве – все это обусловлено не только трудолюбием и мастеровитостью хозяев, но и наличием сыновей, «молодых великанов», которых не менее десяти человек. Хорь, отец большого дружного семейства, так убеждает одного из сыновей в необходимости жениться: «Баба – работница. <...> Баба мужику слуга» [7, с. 8]. И если в Хоре Тургенев видит «человека положительного, практического», в его сыновьях «рослый народ», «великанов», то женская половина этого большого семейства не вызывает симпатий: «Жена его, старая и сварливая, целый день не сходила с печи и беспрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее внимания, но невесток она содержала в страхе божием. <...> Иногда злая старуха слезала с печи, вызывала из сеней дворовую собаку, приговаривая: «Сюды, сюды, собачка!» - и била ее по худой спине кочергой или становилась под навес и «лаялась», как выражался Хорь, со всеми проходящими. Мужа своего она, однако же, боялась и, по его приказанию, убиралась к себе на печь» [7, с. 10].

Тема невыносимой тяжести женского крестьянского труда в русской литературе перерастает рамки социальной, становится философской, т.к. неразрывно связывается с

темой гибели красоты. В частности, в стихотворении Некрасова «Тройка», эта тема получает глубоко трагическое звучание: прекрасная молодая крестьянка, в которой воплощены радость жизни и красота, обречена только на одну судьбу:

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть [6, с.29].

Семейные отношения в крестьянской среде, как правило, не выходили за рамки телесных отношений, не поднимаясь до душевных, а тем более духовных. Зачастую непосильная физическая работа, тяжелый каждодневный быт, большие семьи, в которых жили по два-три поколения, угнетенное состояние женщины в семье – все приводило к мысли о необходимости изменения ситуации. Не случайно, чем более свободной будет становиться женщина, тем реже она будет видеть надобность в замужестве.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Лотман, Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – 847 с.
- 2 Пушкин, А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Правда, 1981.
- 3 Соллогуб, В. А. Сотрудники, или чужим добром не наживешься / В. А. Соллогуб // http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a [Электронный ресурс]. Режим доступа: 7.06. 2010.
- 4 Толстой, Л. Н. Собр.соч. в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Худож. литер., 1978-1985.
- 5 Лесков, Н. С. Собр.соч. в 11 т. / Н. С. Лесков. – М.: Худож. литер., 1956-1958.
- 6 Некрасов, Н. А. Избранные сочинения / Н. А. Некрасов. – М.: Худож. лит., 1989. – 591 с.
- 7 Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – М.: Худож. лит., 1984. – 254 с.

Т. П. Целехович

ЖЕНСКОЕ ПРОРОЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Пророчество как явление имеет давнюю историю. Уже в Древних цивилизациях существовали люди, мужчины и женщины, которые обычно в состоянии экстаза, вещали именем посланного им божества, и предсказывали будущее. В Месопотамии этих людей называли «эссебу» («человек, в которого вошел бог») [1, с. 79]. В Древней Греции слово «пророк» соответствовало термину «*prophetis*» и применялось в отношении пифий и сивилл – самых известных женщин-пророчиц античного мира. Греческий термин «*prophetis*» используется в Септуагинте (древнейшем переводе Ветхого Завета II в.) и, в свою очередь, перекликается к еврейским словом «*nebi*», которое более 300 раз повторяется в масоретском тексте Библии. Этимологический разбор этого слова позволяет исследователям проследить смысловые составляющие слова «пророк» в контексте ветхозаветного Израиля. Пророк, во-первых, - это человек, «который внял зову Господа, призвавшего его к исполнению пророческой миссии» [1, с. 78]. Здесь подчеркивается добровольное согласие человека послужить Богу. Во-вторых, пророчеству предшествует некое состояние экстаза, «когда человек, на которого снизошло духовное озарение, как бурное море, не может удержаться, постоянно говорит, бормочет» [1, с. 78]. Но при этом в человеке не уничтожается его свободная личность; он - со-трудник, со-беседник Бога. В-третьих, библейские пророки в отличие от пророков, существовавших до Израиля и за его пределами, вещали от имени Единого Бога, их первоочередной задачей было не предсказывать будущее, а передавать миру волю Яхве, высокие положения религиозно-нравственного откровения. Наконец, все